

В.В. Лазутин

«Когда кончится? Чего жду?»
*Первая мировая война в «Чукоккале»
и «Дневнике» Корнея Чуковского*

Само возникновение «Чукоккалы», рукописного альманаха Корнея Чуковского, непосредственно связано с началом Первой мировой войны. Самые первые записи в «Чукоккале» появляются в июне 1914 г., т. е. за два месяца до начала войны.

С военной темой в альманахе связаны так или иначе около трех десятков записей, большинство из которых относится к августу и сентябрю 1914 г., т. е. к самым первым неделям войны.

Первая «военная» запись датирована 20 июля (все даты даны по старому стилю. – *В.Л.*), днем обнародования Николаем II манифеста о вступлении России в войну с Германией, которая за день до этого объявляет войну России. Запись сделана рукой самого Чуковского, он описывает события этого дня в Чукоккале:

20-го июля 1914 г. в день св. пророка Ильи, в первый день Великой Европейской Войны, в 70-летнюю годовщину И.Е. Репина, мы, праздновавшие с дорогим именинником этот день, собрались у Чуковских и читали «Пир во время чумы». Н.И. Кульбина потребовали немедленно в Гл. Штаб. За Арнштамом прислали артельщика для немедленного отъезда из Куоккала. Е.П. Кульбина пришла с опозданием, но без вечерней газеты и сообщила о взятии немцами какого-то Люксембурга, о к-ром мы все спрашиваем, где он? Все обсуждали, что делать, и оказалось, что твердо решили оставаться в Куоккала и не поддаваться общей панике за исключением Арнштамов, к-рые ушли укладывать вещи [Чукоккала, 26, 28].

Записи, относящиеся к августу и сентябрю 1914 г. по большей части носят характер предположений о длительности и итогах начавшейся войны. В своих комментариях к альманаху Чуковский вспоминает: «Через несколько дней после начала войны я пред-

ложил моим гостям написать мне в “Чукоккалу”, чего они ждут от войны, и когда она может закончиться» [Чукоккала, 13]. Большинство из ответивших на вопросы «Когда кончится? Чего жду?», которые Чуковский написал наверху одного из первых листов «Чукоккалы» 3 августа 1914 г., высказывали очень оптимистические оценки как итогов, так и продолжительности военной кампании:

Уверен, что окончится к 25 декабря. Жду полного разгрома швабов (К. Чуковский).

К Рождеству. Жду разгрома тевтонов (Н. Евреинов).

Чем скорее, тем лучше – жду федеративной германской республики (И. Репин) [Чукоккала, 13].

Из записей этого дня только одна – автограф художника Юрия Анненкова – выбивается из общего тона:

Когда кончится война – не знаю и ничего от войны не жду, но я жду, чтобы скорее ожили ноги моего отца, которые отекли во время его бегства из Берлина (Юр. Анненков) [Чукоккала, 14].

Но уже через месяц интонация записей начинает меняться. Так, депутат Государственной думы от конституционных демократов и сотрудник газеты «Речь» Иосиф Владимирович Гессен уже намного более сдержан:

<...> Не сомневаюсь ни на минуту, что самая война непосредственно закончится разгромом Германии и уничтожением Австрии <...>. Но последствия войны неисчерпаемы, она поставит <...> целый ряд вопросов, разрешение коих потребует величайшего напряжения и вызовет огромные потрясения [Чукоккала, 48].

Запись Гессена сделана 9 сентября 1914 г., на соседних с ней листах расположены еще два ответа на мини-анкету Чуковского. Журналист, сотрудник «Современного слова» Н.П. Ашешов оставляет запись, все еще полную оптимизма:

Новая светозарная эпоха. Полное проявление могучих красот русского духа. Полоса напряженной активности. В насыщенной новым творчеством атмосфере – рождение новых светочей, новых Пушкина и Толстого. Счастливы те, кто будет жить в период полного расцвета России! [Чукоккала, 48]

А фельетонист газеты «Речь» Владимир Азов иронически беспокоится о судьбе русской литературы поле войны:

Я думаю, после войны с русской литературой хорошо будет. <...> Издатели, конечно, воспользуются случаем и понизят гонорары. Но русская литература «вынесет все и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе». Англия мощная покровительница угнетенных народов, конечно урегулирует на европейском конгрессе вопрос об авансах [Чукоккала, 49].

Записи Ашешова и Азова не датированы, но, по всей вероятности, сделаны в то же время, что и запись Гессена. Обращает на себя внимание то, что в них уже нет прогнозов о скором окончании военных действий.

Отношение к начавшейся войне как к действительно трагическому событию истории впервые появляется в записи Зинаиды Гиппиус, датированной августом 1914 г. без точного указания числа:

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.

В часы неоправданного страданья
И не решенной битвы –
Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы...

[Чукоккала, 36–37]

Писатель Лазарь Кармен оставляет в «Чукоккале» две записи, одна из которых, судя по всему, является ответом на мини-анкету Чуковского:

Чем кончится Великая Война? Сейчас в точности сказать не могу. Скажу только, что кончится она... чьей-то победой. И еще скажу, что в этой войне погибнет – много памятников, ценных картин и... альбомов... [Чукоккала, 57]

Дата под этой записью не проставлена, соседние же записи относятся к середине – второй половине сентября 1914 г. Вторая же запись Кармена относится к моменту взятия германскими войсками бельгийского Антверпена 27 сентября:

Искренне говорю – будь прокляты пруссаки, засыпавшие, здорово живешь, огнем и свинцом милую Бельгию. Все время стоит передо мной картина бегства бельгийских матерей, жен и сестер под дождем снарядов и в черном дыму в соседнюю Голландию. Как должны страдать нежный Роденбах – певец Брюгге, Метерлинк и Верхарн! [Чукоккала, 58]

Кроме записей, так или иначе оценивающих военные события, в «Чукоккале» появляется и ряд изоматериалов, имеющих отношение к Первой мировой войне. Так, уже 10 августа, под впечатлением от первых дней войны, Репин делает в альманахе две зарисовки, на одной из которых изображен один из гостей Чуковского, напомнивший художнику своими усами кайзера Вильгельма II, а на другой – немецкий рабочий, везущий связанного Вильгельма на тачке [Чукоккала, 41].

В тот же день Юрий Анненков заносит в «Чукоккалу» абстрактный рисунок, на котором символически изображает страны Антанты, противостоящие Германии. Рядом с этим рисунком 21 октября Василий Каменский записывает свое стихотворение «На бой!», заканчивающееся строками:

Бей барррабан, – к наступленью – шагом марш
мы – славные – сильные – вольные – мы русские
мы победим! [Чукоккала, 40]

А месяцем ранее, 21 сентября, Юрий Анненков и Николай Евреинов рисуют в «Чукоккале» ребус, в котором зашифрована фраза «Кшесинская, станция краковяк в Берлине, захваченном русскими, докажет мощь царя» [Чукоккала, 40].

Давид Бурлюк заносит в «Чукоккалу» стихотворение под заглавием «Марсово поле»:

Закат ушел и нет надежды
Что вновь забрезжит свет
Прилежно прозирают вежды
Но дух им шепчет «нет».

Это стихотворение сопровождается рисунком, символически изображающим Россию (в виде богатыря на коне), поражающую Германию (в виде обнаженной женской фигуры).

После записей, относящихся к октябрю 1914 г., военная тема в «Чукоккале» не возникает почти целый год. Очередной всплеск записей, имеющих отношение к Первой мировой войне, приходится на первую годовщину ее начала – август и сентябрь 1915 г. Этих записей всего четыре, и открывает их автограф Леонида Андреева, сделанный 8 августа:

<...> Сейчас только на одном великом театре идет великая трагедия – это война; но посмотрите, с какой тоской и отвращением принимаются ее страшные трагические формы и суть, с какой поспешностью тысячи маленьких театриков стараются заглушить ее синайский голос писком Петрушки, с какой яростью расстроенных кур ее дикой мощи и грозным призывам противопоставляют свои драмы и комедийки.

Ибо что это значит: услышать голос войны? Это пойти на исповедь и покаяться, переоценить себя, жену, детей и дом, перестроить жизнь, поднять душу и напоить ее крестными страданиями уста, ожечь желчью. Услышать войну – это услышать самого разгневанного Бога <...> [Чукоккала, 94].

Главная мысль записи Андреева, ее эсхатологический характер, представляющий войну как ситуацию полной переоценки ценностей, ставящей человека перед окончательными вопросами бытия, открывающей последнюю истину, звучит, пусть и в более сдержанной интонацией, в записи священника Григория Петрова, датированной 21 октября 1915 года:

Война самый точный градусник для определения и высшей доблести и крайней подлости человека и народов [Чукоккала, 59].

Одна из двух оставшихся записей принадлежит писателю Борису Лазаревскому. Она датирована 2 сентября 1915 г. и, судя по тому, что расположена почти в самом начале «Чукоккалы», отвечает на вопросы «Когда кончится? Чего жду?», заданные владельцем альманаха своим гостям более года назад. В ней уже нет того оптимизма, который звучал в ответах на мини-анкету Чуковского в первые дни войны, но зато присутствует откровенная неприязнь к противнику, которой не было у авторов записей годичной давности:

Без всяких оснований – интуитивно предполагаю, что война окончится к 20-му января 1916 года. Жду от нее укрощения немецкого холоднодушия и их

чисто хорьковской жестокости, которая есть результат перерождения головного мозга и всей нервной системы на почве векового употребления пива... [Чукоккала, 32]

11 ноября 1915 г. в «Чукоккале» оставляет автограф военный корреспондент лондонской «Таймс» Роберт Вильтон, начинающийся словами:

Нигде не чувствовалась такая близость между нашими народами как среди простых русских солдат в окопах [Чукоккала, 59].

После ноября 1915 г. записи о войне в «Чукоккале» не появляются.

В «Дневнике» Корнея Чуковского записей, посвященных войне немного. По большей части это связано с тем, что тетради за 1914 и 1916 гг. сохранились лишь частично, а дневник за 1915 г. отсутствует полностью. Но, тем не менее, даже по сохранившимся частям Дневника можно увидеть, что тенденция в упоминании войны совпадает с той, что мы увидели в «Чукоккале» – начало военных действий отмечено появлением соответствующих записей, в то время, как уже, по крайней мере, с середины войны эта тема полностью пропадает из поля зрения Чуковского. Так, за весь 1917 г. она не появляется в «Дневнике» ни разу. Никак не отмечены и окончание войны и заключение Брестского мира.

Первая запись, в которой появляется военная тема датирована 22 июля 1914 г.:

Война... Бена берут в солдаты. Очень жалко [Дневник, 195].

Речь здесь идет о призыве на фронт в первой волне мобилизации поэта-футуриста Бенедикта Лифшица.

27 июля – упоминание о встрече с Сергеем Городецким, который «пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства – выразил радость, что оно так разгромлено» [Дневник, 196]. В этой же записи рассказ о визите к А.Ф. Кони, который передает Чуковскому новости из Зимнего дворца: «Государь говорил речь народным представителям. Кони рассказал странное:

будто когда государю Германия уже объявила войну и государь, поработав, пошел в 1 ч. ночи пить к государыне чай, принесли телеграмму от Вильгельма II: прошу отложить мобилизацию. Но Кони, к[а]к и Репин, не оглушен этой войной. Репин во вр[емя] всеобщей паники, когда все бегут из Финляндии, красит свой дом (снаружи) и до азарта занят насыпанием в Пенатах холма на том месте, где было болото <...>» [Дневник, 196].

И, наконец, 4 августа Чуковский описывает свою встречу с Еленой Анатольевной Молчановой, секретарем Николая Евреинова, которая находится в состоянии паники по поводу начала войны: «<...> она б[ыла] в городе и крикнула издали: новости. Что такое? Мы накануне войны с Турцией. Завтра будет объявлена! – Четыре миллиона русских лавой идут на Берлин: там им такие волчьи ямы и западни. Два миллиона пройдут, а два миллиона в резерве. – В Берлине ужас – революция неминуема. Оказывается, кайзер в третьем поколении уже сифилитик: безумный! Что делали с русскими в Германии! <...> Все это она говорила трясясь, так-то сологубо-передоновоски» [Дневник, 198].

Таким образом, «Чукоккалу» и «Дневник» Корнея Чуковского можно воспринимать как ценное свидетельство, фиксирующее представления о Первой мировой войне, сложившиеся в среде той части петербургской интеллигенции, к которой принадлежал Чуковский. В самый первый период война хотя уже и воспринимается как «великая», тем не менее преобладают прогнозы об очень скором ее окончании и победе русского оружия. Но уже через месяц восторженно-патриотические оценки сменяются куда более сдержанными, а надежды на скорое окончание боевых действий уступают место восприятию войны как трагического и переломного события как в русской, так и в европейской истории. Тот же факт, что начиная с ноября 1914 г. военная тема практически полностью исчезает и из альманаха, и из «Дневника» указывает на то, что, начиная с середины осени 1914 г. Первая мировая война становится постоянным фоном повседневной жизни, фоном трагическим и отчасти даже имеющим апокалиптический характер, но находящимся на периферии сознания, не фиксирующего на себе особенного внимания.

А начиная с 1917 г. и авторов «Чукоккалы» и самого Чуковского в «Дневнике» занимают уже по большей части события внутренней политики и истории.

Литература

Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 1999.

Чуковский К.И. Дневник: 1901–1921 // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2006. Т. 11.